

АВТОРИТАРНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Максим Евгеньевич Попов

Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 2 июля 2019 <i>Принята к печати:</i> 12 декабря 2019</p>	<p>Аннотация: Автор проводит сравнительный анализ концепций авторитарного либерализма в современной политической теории. В статье анализируются основные направления интерпретации авторитарного либерализма в рамках методологических подходов и концептуальных моделей неолиберализма, ордолиберализма, политического либерализма Дж. Ролза, «ограниченной демократии» Я.-В. Мюллера, «кризиса легитимации» Ю. Хабермаса, «постдемократии» К. Крауча, «де-демократизации» М. Уилкинсона, «демократии участия» К. Макферсона, «кризиса демократического капитализма» В. Штреека, «криптофедерализма» Дж. Маджоне. Базовым аналитическим концептом является идея авторитарного экономического либерализма, впервые предложенная Г. Хеллером и К. Поланьи. В целях методологической рефлексии проведен аналитический обзор методов и концепций, опирающихся на современную политическую и конституционную теорию и применяющихся при изучении институциональной специфики авторитарного либерализма. Авторитарный либерализм концептуализируется как неолиберальная идеология и практика де-демократизации и ограничения демократии, результатом которой становится регионализация протеста против супранационального режима либеральной демократии и политической интеграции. Если авторитарный либерализм делает акцент на экономическом либерализме, то авторитарные способы реализации политики подчиняются интересам частной собственности: авторитаризм усиливает экономический либерализм, который, в свою очередь, усиливает «авторитарную трансформацию». В контексте еврокризиса авторитарный либерализм ограничивает традиционные формы представительной демократии, политической борьбы и легитимации власти, способствуя реанимации этнического национализма. В современной Европе правые евроскептики набирают популярность и в этой ситуации авторитарно-либеральное ограничение социал-демократии может привести не только к укреплению капитализма, но и к возрождению реакционных форм «нового национализма» и авторитарного иллиберализма. ЕС сегодня развивается в «неоколониальной парадигме» в соответствии с отношениями между ядром и периферией между странами-кредиторами и должниками; в этой ситуации демократически легитимным инструментом разрешения фундаментального противоречия между рыночным капитализмом и представительной демократией может стать подавляемая авторитарным либерализмом транснациональная солидарность.</p>
<p>Об авторе: д. филос. н., профессор, кафедра социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет e-mail: maximus.popov@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: авторитарный либерализм; рыночный капитализм; представительная демократия; неолиберализм; ордолиберализм; политический либерализм; экономический либерализм; де-демократизация; ограниченная демократия; постдемократия; идеология; легитимация; транснациональная солидарность; европейская интеграция</p>	

В период, охватывающий десятилетие с начала финансового кризиса 2008 г., на авторитет и легитимность конституционного государства и государственного строя в Европе повлиял ряд экзистенциальных вызовов, связанных с будущим Европейского проекта, его фундаментальными ценностями и траек-

торией интеграции. На данный момент ЕС остается относительно устойчивым; за пределами Великобритании политические идеи прекращения евроинтеграционного эксперимента остаются маргинальными, хотя в ведущих европейских странах усиливается антиевропейское давление, а евроскептические

ские партии находятся на подъеме. Очевидно, что системные и антисистемные вызовы связаны как с легитимностью внутригосударственных режимов, так и с самим функционированием ЕС, что обусловлено фрагментарным давлением «снизу» в контексте субнациональных претензий на автономию. В регионах Европы, где наблюдается рост поддержки выступающих с автономистских позиций партий, политическая мобилизация сторонников независимости происходит на основе принадлежности к территориальному сообществу; декларируемое в публичном дискурсе «стремление к инклюзивности придает такой мобилизации позитивное гражданское звучание»¹.

Конституционный кризис касается не только Европейского союза в целом, но и региональной политической системы и порядка управления на континенте. Фундаментальные условия для этих множественных субкризисов были созданы в эпоху Маастрихтского договора и сопутствующей ему геополитической реконфигурации современной Европы. Маастрихт создал конституционную структуру Экономического и валютного союза, заложил основу для Шенгенского режима, открыл двери для дифференцированной интеграции и предвосхитил расширение Европы на Восток. Это ознаменовало изменение экономического баланса сил, «деполитизацию капитализма» (В. Штреек), «реунификацию», открывшую путь к «немецкой Европе» (У. Бек), а также возможный конец «реальной альтернативе» рыночному капитализму и неолиберализму со стороны националистов, евроскептиков и центристов, призывающих ограничить или завершить «эмансипативные проекты»². По мнению Ю. Хабермаса, после 1992 г.

невозможно вырваться из «вселенной капитализма»; единственный оставшийся вариант – «цивиловать и укротить капиталистическую систему изнутри»³.

М. Уилкинсон описывает конституционный кризис в современной Европе как «авторитарный экономический либерализм»⁴, который как феномен впервые был проанализирован Г. Хеллером в качестве сущностной характеристики позднего Веймарского режима⁵. К. Полани обозначил «авторитарный либерализм» как общую характеристику всего периода межвоенного краха либеральной демократии⁶. Я.-В. Мюллер в качестве репрезентации феномена авторитарного либерализма вводит концепт «ограниченной демократии» (*restrained democracy*)⁷. Авторитарный либерализм трансформирует нормы демократического конституционализма и представительной демократии с целью поддержания либерально-экономических обязательств в отношении стабильности валюты и цен, жесткой фискальной дисциплины и конкурентоспособности.

Авторитарный либерализм сегодня сопровождается системными и антисистемными вызовами господствующему порядку в процессе поиска интеграционных альтернатив, активизации правого консерватизма и «нового национализма», возвращения политического популизма и неавторитаризма, что наиболее очевидно в Центральной и Восточной Европе, но также отражается в росте

¹ Семененко И.С. Гражданская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Вест Мир, 2017. С. 354. [Semenenko, I.S. Grazhdanskaya identichnost' (Civic Identity) / Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie (Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia). Ed. by I. Semenenko. Moscow: Ves MIR Publishers, 2017. P. 354.]

² Beck, U. German Europe. Cambridge, UK, Malden, MA: Polity Press, 2013. P. 42.

³ Habermas, J. The Crisis of the European Union: A Response. Malden, MA: Polity Press, 2012. P. 106.

⁴ Wilkinson, M. Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 313.

⁵ Heller, H. Authoritarian Liberalism? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 295.

⁶ Polanyi, K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston, Mass.: Beacon Press, 2001. P. 79.

⁷ Мюллер Я.-В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 37. [Muller, J.-V. Spory o demokratii: Politicheskie idei v Evrope XX veka (The Debate about Democracy: Political Ideas in Europe of the XX Century). Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2014. P. 37.]

евроскептических партий, таких как «Национальный Фронт» и «Альтернатива для Германии». Современные модели политической интеграции имеют противоречивый характер: в ситуации традиционализации и демодернизации региональных сообществ либеральные интеграционные модели могут увеличивать социальную нестабильность, создавая условия для эскалации этноконфессиональной напряженности и ее перерастания в конфликты идентичностей⁸.

Задача данной статьи – оценить когнитивный потенциал концепта «авторитарный либерализм» и проанализировать магистральные направления интерпретации данного феномена в рамках различных методологических подходов и концептуальных моделей с целью дальнейшей концептуализации. В этом контексте исключительным приоритетом становится осмысление авторитарного либерализма как категории современного политического и научного дискурсов. По словам С.П. Перегудова, необходимо «рассматривать современный либерализм как качественно новую ипостась, требующую к себе особого внимания как обществоведов-концептуалистов, так и занимающихся изучением конкретных проблем современного политического развития специалистов. Результаты этих исследований уже сегодня позволяют со всей определенностью констатировать, что современный либерализм есть качественно новая, постоянно обновляющаяся субстанция, оказывающая возрастающее влияние на суть и характер общественно-политического процесса в западных демократиях»⁹. В ста-

тье будет обосновано, что в критические и трансформационные периоды актуализация авторитарного либерализма соответствует фундаментальной напряженности в либерально-демократическом государстве между рыночным капитализмом и представительной демократией. Идентифицируя современный либерализм как политический либерализм, политическая и конституционная теория исключает конфликтную динамику между капитализмом и демократией, что создаёт трудности для восприятия концепта «авторитарного либерализма».

Противоречия либерализма и демократии в политической теории

Анализируя четыре модели либеральной демократии – протекционную демократию, демократию развития, демократию равновесия и демократию участия – К. Макферсон отмечает, что «перспективы, касающиеся движения к более демократическому обществу, не столь безрадостны. Продвижение к нему в одно и то же время требует увеличения меры участия и побуждает к такому участию»; в качестве базового условия возникновения «либеральной демократии участия» К. Макферсон называет «значительное снижение уровня социального и экономического неравенства»: «Мы не можем достичь более демократического участия без предварительного изменения уровня социального неравенства и изменения в сознании, но мы не можем достичь изменения уровня социального неравенства и изменения в сознании, пока не повысим уровень демократического участия»¹⁰.

Хронологически либерализм в современной Европе предшествует демократии и отношения между ними противоречивы¹¹. Теоретическое различие между либерализмом и демократией заключается в том, что

⁸ Попов М.Е. Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы // Полис. Политические исследования. 2017. №1. С. 99. [Popov, M.E. Sociocultural integration policy: main theoretical approaches (The Policy of Socio-Cultural Integration: Basic Theoretical Approaches) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2017, №1, P. 99.]

⁹ Перегудов С.П. Либерализм XXI века – кризис или обновление? // Полис. Политические исследования. 2015. №4. С. 64. [Peregudov, S.P. Liberalizm XXI veka – krizis ili obnovleniye? (Liberalism of the XXI Century – a Crisis or an Update?) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2015, №4, P. 64.]

¹⁰ Макферсон К. Жизнь и времена либеральной демократии. М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. С. 71. [Macpherson, C. *Zhizn' i vremena liberal'noi demokratii* (The Life and Times of Liberal Democracy). Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vyshei shkoly ekonomiki, 2011. P. 71.]

¹¹ Macpherson, C. *The Real World of Democracy*. Toronto: CBC Radio, 1966. P. 62.

либерализм – это, в первую очередь, инструмент ограничения государственной власти, в то время как демократия – это «внедрение народной власти» в государство; либерализм и демократия определяют конституционную и социальную сферы, первая из которых закреплена за либерализмом, регулирующим роль демократии в государстве, а вторая – за демократией, регулирующей экономическое благосостояние и социальное равенство: «либерализм плохо обслуживает демократию и ее выживание зависит от поиска новых институциональных форм, ослабляющих связь демократии с либеральной теорией»¹². Противоположную позицию занимает Ф. Закария, утверждающий, что либерализм поддерживает и усиливает демократию, при этом демократия без либерализма нефункциональна: чем сильнее либерализм «контролирует» демократию, тем выше качество демократического режима¹³. Данный тезис был ранее подтвержден в докладе «Кризис демократии» М. Крозье, С. Хантингтона и Д. Ватануки в 1975 г. в рамках работы «Трехсторонней комиссии»¹⁴.

Слияние авторитаризма и либерализма кажется несовместимым в силу длительного доминирования дискурса политического, а не экономического либерализма: на протяжении XX в. либерализм в странах Запада развивался, имея в качестве главной антитезы концепт тоталитаризма, а потому акцентировал свое принципиальное несогласие с любыми формами коллективистской идеологии. В период идеологических сражений периода холодной войны либерализм ассоциировался с демократией и противостоял авторитарному социализму. Это было подкреплено тезисом о «конце истории» Ф. Фукуямы, в котором либеральная демократия являлась кульминацией исторического прогресса. Под влиянием

идей Дж. Ролза и Ю. Хабермаса либерализм мыслился как синоним демократии даже с эгалитаристских и прогрессивных позиций в контексте реально существующей либеральной демократии и социал-демократического целеполагания¹⁵.

Послевоенный политический мейнстрим не предлагал альтернативы капитализму как потенциальной угрозе демократическому порядку, что сегодня отразилось в критике не только экономического либерализма Ф. фон Хайека, но и политического либерализма Ю. Хабермаса и Дж. Ролза за недостаточную согласованность с проблемой способности экономической власти влиять на политику. Говоря о длительных взаимоотношениях экономического либерализма и демократии, можно вспомнить недоверие Ф. фон Хайека не только к социальной справедливости, но и к демократии, а также его заигрывания с политическим авторитаризмом. Поддержав критику К. Шмитта в отношении попыток немецких левых влиять на частную собственность бывшего кайзера, Ф. фон Хайек предложил разработать общие правила сдерживания «прихоти электората» для обеспечения свободного потока капитала, товаров, рабочей силы и ограничения способности демократически избранных правительств инициировать изменения, которые наносили бы ущерб доходам от собственности¹⁶. По мнению Й. Шумпетера, «демократия главенствовала в процессе политических и институциональных изменений, посредством которых буржуазия изменила форму социальной и политической структуры, предшествовавшей ее господству, и, с ее точки зрения, сделала ее более рациональной: демократический метод был практическим инструментом этой реконструкции. Современная демократия – продукт капиталистического процесса»¹⁷.

¹² Barber, B. *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*. Berkeley: University of California Press, 2003. P. 330.

¹³ Zakaria, F. *The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs*, 1997, Vol. 76, Iss. 6, P. 22.

¹⁴ Crozier, M.; Huntington, S.; Watanuki, J. *The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission*. New York: New York University Press, 1975. P. 220.

¹⁵ Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT, 1996. P. 78; Rawls, J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press. 1993. P. 123.

¹⁶ Hayek, F. *The Constitution of Liberty*. London: Routledge, 1960. P. 12.

¹⁷ Schumpeter, J. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York, London: Routledge, 2000. P. 296.

Демократическая парадигма современной политической науки исходит из концепции соревновательной электоральной демократии. Для определения государства как «электоральной демократии» широко используются индексы, рассчитываемые *Freedom House* (конкурентная многопартийная политическая система; всеобщее избирательное право; регулярные альтернативные выборы; широкий доступ общественности к основным политическим партиям через СМИ и путем открытой политической агитации). Электоральная демократия носит процедурный и ограниченный характер и определяется как «метод»: такая трактовка не вторгается в сферу экономики и политической системы. Как отмечают Ф. Шмиттер и Т. Карл, «демократизация не обязательно ведет к экономическому росту, социальной стабильности, управленческой эффективности, политической гармонии, свободному рынку или “концу идеологии”»¹⁸. Современные политические аналитики рассматривают механизм электоральной демократии вне отрыва от политических институтов и рамок капиталистической экономики либеральной демократии. В этом контексте многие критики рассматривают либеральную демократию как «политический инструментарий и наиболее подходящую оболочку для капитализма, а отнюдь не средство освобождения человека»¹⁹.

В либерально-демократических режимах политическая сфера является преимущественно сферой либерализма, а социальная – сферой демократии: демократия больше, чем либерализм, в социально-экономическом смысле, но меньше, чем либерализм, в политическом смысле. Политическое – это сфера ограничения полномочий государства и защиты прав и свобод личности, социальное – это демократическое

пространство перераспределения благосостояния. Современные левые выступают за социокультурный либерализм, который продвигает индивидуальные права и равенство возможностей, в то время как правые выступают за авторитарный экономико-политический либерализм, который защищает свободный рынок, освобожденный от сковывающих оков бюрократического государства: эти конфликтующие формы современного либерализма взаимно усиливают друг друга и способствуют «конвергенции экономического индивидуализма, бюрократического коллективизма и социокультурной атомизации», что, в свою очередь, ведет к «деполитизации» социально-экономической сферы жизни общества, делает его зависимым от рынка, одновременно уменьшая свободу самореализации, разрушает прежние социальные связи и активизирует правый консерватизм.

Процесс «европейской деполитизации» как один из важных источников авторитарного либерализма достиг своего апогея в контексте концепции «политики третьего пути» Э. Гидденса (воплощенной в центризме «нового лейборизма» Т. Блэра и впоследствии имитируемой всеми социал-демократами), предложившей альтернативу неолиберальной парадигме, но во многих случаях углубившей ее²⁰. Европейская интеграция усилила «радикальный центризм» благодаря своим институциональным процедурам «консенсусного законотворчества» и императивной поддержке рыночного либерализма. В отсутствие устойчивой системы наднациональной демократии, государства-члены остались с «политикой без политического курса» (*with politics but without policies*), а ЕС – «с политическим курсом без политики» (*with policies but no politics*)²¹. Западная представительная демократия разрывает связи между избирателями и партийными элитами, которые в прошлом обеспечивали легитимность системы; лейбористские

¹⁸ Schmitter, P.; Karl, T. What Democracy Is... And Is Not. In: *Global Resurgence of Democracy*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1993. P. 39.

¹⁹ Лэйн Д. Мираж демократии // ПолиС. Политические исследования. 2014. №6. С. 128. [Lane, D. *Mirazh demokratii* (The Mirage of Democracy) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2014, No. 6, P. 128.]

²⁰ Wilkinson, M. Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 319.

²¹ Mair, P. *Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy*. London: Verso, 2013. P. 14.

и социалистические партии имеют меньше связей с низовыми организациями и действуют как технократические организации, созданные для управления системой вне зависимости от предпочтений избирателей. Капиталистическая глобализация создает структурное давление на левые правительства с целью ограничения социального государства и увеличения стимулов для частных инвесторов. Как пишет В. Штрекк о новой фазе еврокризиса и деполитизации экономики, «там, где в Европе все еще существуют демократические институты, нет экономического управления, которое не было бы “захвачено” некапиталистическими интересами, трансформирующими рынок. Там же, где есть экономическое управление, нет демократии»²².

В рамках теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса эту динамику можно охарактеризовать как глубокое изменение «демократически легитимированного цикла власти» (*democratically legitimate cycle of power*): демократическая политика устойчива и функциональна, если она фундирована и легитимирована «коммуникативной властью», сформированной публичной сферой «взаимопонимания». Коммуникативная власть является силой сопротивления и ограничения «функциональных императивов» системного воспроизводства экономики и административной системы государства. Коммуникативная власть должна преобладать над такими «функциональными императивами», ограничивая их законы. Однако, когда импульс публичной сферы исчезает и люди становятся апатичными, функциональные императивы экономической системы перестают встречать сопротивление и начинают «колонизировать» политический процесс: политика становится инструментом стабилизации системы и нивелирования институциональных и моральных прав человека²³.

Авторитарные тенденции европейской интеграции все более отчетливо проявляют-

ся в политической практике, которую Дж. Маджоне называет «криптофедерализмом» (*crypto-federalism*) и «стелс-интеграцией» (*integration by stealth*) (идея Ж. Монне). Криптофедерализм – это «федерализм без федеральной конституции», когда силы и субъекты политической интеграции не действуют открыто в направлении федеральной конституции – главной цели функционализма – но преследуют стратегию «незначительных шагов и грандиозных эффектов». Криптофедерализм скрытно и непублично запускает процесс интеграции, при этом политическая интеграция происходит «под маской» экономической интеграции. Стратегия «стелс-интеграции» делает демократию неактуальной и предоставляет ключевые решения европейским элитам: это «стратегия свершившегося факта – осознанного факта, который делает бесполезным противостояние и общественные дебаты»²⁴.

Основными условиями еврорежима, навязываемыми государствами-членами Еврогруппы, а также «Тройкой» институтов (МВФ, Европейский центральный банк и Европейская комиссия), являются нелиберальные меры «жесткой экономики» (приватизация, либерализация, реформы рынка труда, регрессивное налогообложение). Это требует чрезвычайного вмешательства государства в общество, разрыва социальных контрактов и нарушения существующих отношений. Анализируя институциональные изменения в управлении Экономическим и валютным союзом, в частности, новые полномочия и авторитет Еврогруппы и Европейского центрального банка, важно отметить, что нелиберальный тренд является симптомом длительных тенденций в экономическом конституционализме Европы.

Вытеснение социал-демократии в пользу «рыночной технократии» и «рыночной рациональности» также является проявлением этих тенденций. Опасения по поводу дефицита демократии в ЕС существовали задолго до финансового кризиса 2008 г. Ю. Хабермас отмечает рост дефицита демократии в Европе: по его мнению, социально-

²² Streeck, W. *Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism*. London: Verso, 2013. P. 75.

²³ Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT, 1996. P. 239.

²⁴ Majone, G. *Europe as the Would-be World Power: The EU at Fifty*. Cambridge University Press, 2009. P. 66.

экономическая динамика в рамках существующей институциональной структуры ведет к размыванию национальных государств посредством европейского права²⁵. В этом контексте необходимо понять, является ли авторитарный либерализм модифицирующим или сдерживающим фактором демократии. Внутренний электорат может принять идею о том, что не существует альтернативы неолиберальным структурным реформам, если эта идея навязывается как «конституционное принуждение» и идеологической конструкт, несмотря на то, что она все еще представляется противоречивой. Сегодня еврорежим трансформируется из номинально основанной на правилах структуры, поддерживаемой рыночной дисциплиной, в «дискреционный порядок», усиленный бюрократической властью.

Авторитарный либерализм в эпоху постдемократии

Термин «авторитарный либерализм» охватывает два базовых симптома конституционного развития Европы. Во-первых, в ЕС, и особенно в еврозоне, существует авторитарный аспект управления, представленный бинарным процессом «де-демократизации и делегализации», связанный с игнорированием парламентских полномочий и парламентских дебатов, а также с нарушением гарантий верховенства закона и защиты социальных прав. Для понимания данного бинарного процесса используются термины «исполнительный менеджерализм» и «чрезвычайная Европа». Во-вторых, в новых исследованиях недооценивается конфликтная природа авторитарного либерализма и его противоречивая родословная²⁶.

В контексте радикальной демократической критики неолиберализм (и связанный с ним неореспубликанизм) игнорирует опасность авторитарного господства, не ограни-

чивающегося социально-экономической сферой²⁷. Либерализм принимает «как должное» существование «живой демократической культуры», недооценивая ее хрупкость и уклоняясь от признания угроз, возникающих внутри капиталистической экономики: логика индивидуализма и рыночной конкуренции может вести к эрозии социальной солидарности, в которой нуждается демократия. Теоретики конституционализма также избегают вопроса о сущности и последствиях экономического либерализма в капиталистическом обществе, анализируя общие проблемы легитимности конституционного пересмотра законодательства для защиты гражданских свобод²⁸. По словам М. Сандела, «празднование метафорического “рынка идей” снимает озабоченность по поводу фактического рынка товаров, капитала, услуг и, в более широком смысле, по поводу влияния коммодификации и рыночного поведения на социальные отношения, не считая маргинальные примеры рыночной аморальности»²⁹.

Синтез политического авторитаризма и экономического либерализма не уникален в рамках еврокризиса, этот подход использовался в контексте трансформации капитализма в Юго-Восточной Азии и Латинской Америки для обозначения автократических и даже диктаторских мер по реализации так называемой «экономики свободного рынка». Этот тип авторитарно-либерального синтеза иногда называют «авторитарным неолиберализмом», что связано с переходом от относительно консенсуального неолиберализма «третьего пути» к новому «коерсивному типу», возникшему во время недавнего финансового кризиса³⁰.

Относительная автономия экономического, действующего согласно логике деполитизации (натурализации) неравенства,

²⁵ Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT, 1996. P. 210.

²⁶ Wilkinson, M. *Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 317.

²⁷ Rawls, J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 1993. P. 19.

²⁸ Alexander, L. *Constitutionalism: Philosophical Foundations*. Cambridge University Press, 1998. P. 27.

²⁹ Sandel, M. *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*. London: Allen Lane, 2012. P. 44.

³⁰ Bruff, I. *The Rise of Authoritarian Neoliberalism // Rethinking Marxism*, 2014, Vol. 26, Iss. 1, P. 113.

коммодификации социальных отношений и эрозии солидарности, влияет на легитимность политического измерения демократии и отношений между управляющими и управляемыми. Либеральная теория уклоняется от анализа этой динамики, принимая рыночный капитализм как данность: она не разрешает ни капиталистические противоречия между общественными благами и частными интересами, ни структурные неравенства, заложенные в капиталистическом государстве³¹.

Политический анализ «авторитарного либерализма» проводит К. Крауч, используя концепт «постдемократии» для объяснения противоречий между современным капитализмом и демократией: «постдемократия» связана с упадком социальных классов, сделавших возможными массовую политику, и распространением глобального капитализма. По словам К. Крауча, «при наличии всего двух понятий – демократии и не-демократии – мы не слишком далеко продвинемся в дискуссиях о здоровье демократии. Идея постдемократии помогает нам описать те ситуации, когда приверженцев демократии охватывают усталость, отчаяние и разочарование; когда заинтересованное и сильное меньшинство проявляет гораздо большую активность в попытках с выгодой для себя эксплуатировать политическую систему, нежели массы простых людей; когда политические элиты научились управлять и манипулировать народными требованиями; когда людей чуть ли не за руку тащат на избирательные участки»³². Постдемократия связана с возникновением замкнутого политического класса, больше заинтересованного в создании связей с бизнес-группами, чем в проведении демократических программ, отвечающих интересам всех граждан; в условиях авторитарного либерализма, когда

власть оказывается в руках «сильного меньшинства», нет оснований рассчитывать на эгалитарную политику перераспределения власти и богатства.

В. Штреек концептуализирует динамику отношений политического авторитаризма и экономического либерализма в рамках ситуационного анализа. Разделение между политическими и экономическими сферами отражает напряженность между демократией и капитализмом как реальными политическими и социальными силами: в послевоенный период капиталистическое государство трансформируется из «налогового государства» через «долговое государство» неолиберальной эры в новое «консолидационное государство» с принципами жесткой экономии и давления единой валюты³³.

Современное государство продолжает развиваться как демократическое государство; его конституционный авторитет сущностно зависит от связи с «народом». «Народ» здесь представляет риторическую и символическую силу суверенитета, что отражает относительную автономию политической сферы не только от классической теократии в контексте современной секуляризации, но и экономической власти. Это не только модернистское мировоззрение, но и непрерывный и хрупкий процесс модернизации, обусловленный социальной борьбой против слияния политической и экономической власти и классового общества; данный нарратив включает классовые, рабочие, феминистские, антиколониальные, этнонациональные движения и другие виды борьбы за равенство и признание. Современное государство может быть представлено в виде напряженности между демократией и капитализмом, солидарностью и индивидуализмом.

В критические периоды, когда капитализм и демократия вступают в эксплицитный конфликт как с точки зрения интересов, так и ценностей, государство «воспринимается» как репрезентация этой напряженности в политической экономике, а в некоторых случаях и как актор конфликтного разрешения. Причина, по которой здесь можно говорить о государстве, а не только о временно

³¹ Wilkinson, M. Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 319.

³² Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом ГоС. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 35. [Crouch, K. Postdemokratiia (Postdemocracy). Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2010. P. 35.]

³³ Streeck, W. *Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism*. London: Verso, 2013. P. 89.

избранном правительстве, заключается в том, что все институты государства («идеологический и репрессивный государственный аппарат» по Л. Альтюссеру) укрепляют и переформируют отношения между демократией и капитализмом посредством военных, полицейских, судебных органов, центральных банков, учреждений культуры и СМИ³⁴. Этот «репрессивный и идеологический аппарат» в Европе (Еврокомиссия, Европейский совет, Европейский центральный банк, Еврогруппа, Европарламент), не имея сильного представительного органа в качестве «коррективной силы», уклоняется от демократического контроля.

Так же, как современный капитализм и неравенство могут угрожать демократическому государству, демократическая борьба за политическое и социальное равенство может выступать в качестве потенциальной угрозы капиталистическому государству. Демократические движения могут угрожать фундаментальной структурной конфигурации политики и экономики с новым требованием политико-демократического контроля над экономикой (в случае демократического социализма). В таком контексте для сохранения статус-кво «идеологический и репрессивный аппарат» капиталистического государства предлагает более продвинутую форму либерального неоавторитаризма. Чтобы отразить конфликтную динамику авторитарного либерализма в современной Европе, необходимо представить диахронический обзор рассматриваемой проблемы.

Европейский ордолиберализм как форма авторитарного либерализма

В критические периоды трансформаций усиливается напряженность между демократическим и капиталистическим государством, что влечет за собой глубокий конституционный кризис. Важнейшим моментом в истории европейской интеграции является межвоенный период, знаменующий конец «долгого девятнадцатого века». В поздней Веймарской Германии демократическое

капиталистическое государство достигло апогея вследствие роста политически эмансипированного пролетариата, который стал угрожать дифференциации политического и экономического, созданной и защищаемой Конституцией. Реакцией правящей элиты на эту угрозу стала конвергенция авторитаризма и экономического либерализма, на что впервые указал в 1933 г. конституционный теоретик г. Хеллер. Основным принципом «авторитарного либерализма» в феноменологии г. Хеллера является принцип авторитарной власти вместо принципа демократического большинства; авторитарная поддержка экономического либерализма не обязательно сводится к фашистскому «квазирелигиозному спасению». Авторитарный либерализм основывается на рациональном понимании экономической необходимости и умозаключениях, говорящих об отсутствии реальной альтернативы деполитизации экономики и сокращению социальных программ, а не на «либидозной идентификации с вождем»³⁵.

Термин «авторитарный либерализм» использовался Г. Хеллером для радикальной критики попыток Германии вступить в союз с крупным бизнесом в период между 1930 и 1933 гг. с целью поддержания экономического либерализма ценой вмешательства в политику в пользу капиталистических интересов. Целью критики Г. Хеллера выступала не только центристская политика канцлера г. Брюнинга, но и конституционная теория К. Шмитта с формулой «сильное государство – свободная экономика»: К. Шмитт рекомендовал Германии «сильное государство со свободным рынком», противостоящим угрозе демократического социализма и экспериментам экономической демократии³⁶.

Центристское правительство г. Брюнинга игнорировало парламентскую демократию, используя президентские указы под прикрытием чрезвычайной ситуации, чтобы навязать жесткую экономию и защитить базовые принципы экономического

³⁵ Heller, H. *Authoritarian Liberalism? // European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 212.

³⁶ Cristi, R. *Carl Schmitt and Authoritarian Liberalism: Strong State, Free Economy*. Cardiff: University of Wales Press, 1998. P. 52.

³⁴ Althusser, L. *On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses*. London: Verso, 2014. 320 p.

либерализма. В основе этой политики лежало разочарование демократической солидарностью с целью поддержания капиталистической экономики в критический период послевоенной дефляции, безработицы и политической турбулентности. Для авторитарных либералов Германии страх, усиленный успехом большевиков в России, заключался в потенциальном повороте демократии к социализму. Эта модель авторитарной реакции на экономический кризис была не уникальной для позднего Веймара – по всему миру страны пытались поддерживать требования Золотого стандарта, сопротивляясь социал-демократии, пока не отказались от золота, что привело к «велфаризму» в Британии и «новому курсу» в США. По словам К. Поланьи, чем яростнее страны сопротивлялись социал-демократии через авторитаризм во имя экономического либерализма, тем сильнее и жестче была обратная реакция: авторитарный либерализм вытеснил демократию, ослабив ее способность реагировать на фашистскую угрозу³⁷.

Основной аргумент г. Хеллера заключается в том, что социальное неравенство несовместимо с конституционной демократией, поскольку она требует высокой степени социальной гомогенности, или, по крайней мере, ее перспективы для поддержания политической легитимности³⁸. Однако современная либерально-конституционная теория по-прежнему недооценивает вызовы демократии со стороны экономического либерализма и видит в ней основную угрозу капитализму. После Второй мировой войны политическая теория обосновывает ключевую идею конституционной защиты либерализма, пренебрегая исследованиями властных структур, которые могут формально или неформально подорвать демократию в капиталистическом государстве. Теоретики-конституционисты, занятые дизайном правовых и политических институтов, разрабатывают внутренние, международные и наднациональные институциональные ме-

ханизмы контроля над мажоритаризмом и «демократической иррациональностью»³⁹.

Независимые технократические институты, такие как конституционные суды, комиссии и центральные банки, становятся нормой и постепенно укореняются в либеральном сознании. Европейская интеграция становится неотъемлемой частью послевоенного либерально-конституционного процесса построения «воинствующей демократии» (К. Левеншталь): Я.-В. Мюллер в качестве репрезентации этого феномена предлагает концепт «ограниченной демократии» (*restrained democracy*)⁴⁰. Принцип «воинственной защиты» либерализма во имя демократической консолидации обусловлен, в первую очередь, заботой об экономическом либерализме, а не целями защиты политического либерализма и усиления представительной демократии. В современной конституционной теории основное внимание уделено анализу вызовов и опасностей «неограниченной демократии» (*unfettered democracy*), а не явных интенций «неограниченного капитализма» (*unfettered capitalism*) к социальному и экономическому неравенству, о чем предупреждали Г. Хеллер и К. Поланьи.

В послевоенной политической практике противоречия капитализма и демократии были фасилитированы «Славным тридцатилетием» (*Les Trente Glorieuses*, термин Ж. Фурастье) «государства всеобщего благосостояния». «Послевоенные демократии – отмечает Я.-В. Мюллер, – создавались не просто в противовес государственному террору или агрессивному национализму, но в противовес тоталитарной концепции стихийного исторического действия, осуществляемого коллективными политическими субъектами, такими как нацистская *Volksgemeinschaft*. В ответ западноевропейцы построили в высшей степени управляемую

³⁹ Hailbronner, M. *Tradition and Transformations: The Rise of German Constitutionalism*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 74.

⁴⁰ Мюллер Я.-В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 79. [Muller, J.-V. *Spory o demokratii: Politicheskie idei v Evrope XX veka* (The Debate about Democracy: Political Ideas in Europe of the XX Century). Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2014. P. 79.]

³⁷ Polanyi, K. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston, Mass.: Beacon Press, 2001. P. 57.

³⁸ Heller, H. *Authoritarian Liberalism?* // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 210.

форму демократии, отмеченную печатью глубокого недоверия к народному суверенитету и даже традиционному парламентскому суверенитету»⁴¹. Либеральная теория стремилась к разрешению «мажоритарной дилеммы» посредством ограничения демократии как институционально (конституционный контроль), так и идеологически (концепт «разумности» (*reasonableness*) Дж. Ролза). Таким образом, современная конституционная теория уходит от критического взаимодействия с политической экономией. Сама европейская интеграция рассматривается как аспект проекта «ограниченной демократии», а не как дальнейшая стадия реконструкции отношений между политической и экономической в процессе демократического развития.

Послевоенное развитие Европы характеризовалось новым видением не только технократических функций управления, но и отношений управления, в частности, характера и пределов управления экономикой. М. Уилкинсон называет это новое видение «де-демократизацией власти, суверенитета и правительства»; по его мнению, «в этом подходе изложено новое видение индивида как участника рынка, а не политического гражданина»⁴². Новая концепция экономической роли государства была предложена фрайбургскими ордолибералами, для которых неограниченный капитализм являлся угрозой и вызовом социальному рыночному хозяйству, основанному на конкуренции. К. Фридрих, анализируя идеологическое значение «нового либерализма», отметил (как и позднее М. Фуко в лекциях о неолиберализме), фундаментальный теоретический поворот немецкого ордолиберализма с его идеей трансформации народного суверенитета в индивидуальную рыночную свободу как инструмент легитимизации конституционного порядка⁴³. Для ордолибералов экономический конституционализм, основанный на

равенстве, индивидуальных правах и конкуренции, был призван обеспечить полную элиминацию классовых и этнонациональных конфликтов из политической сферы. С этого момента самоидентификация субъектов конституционных отношений в Европе (в частности, Европейского суда и Европейской комиссии) будет обусловлена идеологией экономической рациональности и логикой рыночной конкуренции. По словам И.В. Левакина, «конституции либеральных демократий, оформляют систему достижения общего блага, в которой, тем не менее, большинство отчуждает свой труд в пользу имущего меньшинства – собственников средств производства, в интересах которых действует публичная власть. Социальный порядок обеспечивает механизм деалиенации, включающий комплекс конституционных прав и свобод»⁴⁴.

Социал-демократия не была ключевым компонентом послевоенного либерального конституционализма – начиная с Маастрихта, она сдерживалась в парламентах и на референдумах. С началом еврокризиса либеральный центризм попытается стабилизироваться, становясь предметом растущих политических споров с позиций государственной власти. Потеряв веру в силу институциональных инструментов, европейская государственная система начнет прибегать к принуждению в попытке поддержания порядка. Поскольку демократическая поддержка либерального центризма остается

⁴¹ Ibid.

⁴² Wilkinson, M. *Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce?* // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 317.

⁴³ Friedrich, C. *The Political Thought of Neo-liberalism* // *American Political Science Review*, 1955, Vol. 49, P. 96.

⁴⁴ Левакин И.В. Об отчуждении по общественному договору: компаративистский анализ основных черт алиенации и деалиенации в конституциях буржуазно-демократических, социалистических, постсоциалистических и религиозных государств // *Сравнительная политика*. 2019. №3. С. 29. [Levakin, Igor V. *Ob otchuzhdenii po obshchestvennomu dogovoru: komparativistskiy analiz osnovnykh chert aliyenatsii i dealiyenatsii v konstitutsiyakh burzhuaznodemokraticeskikh, sotsialisticheskikh, post sotsialisticheskikh i religioznykh gosudarstv* (The Alienation along the Social Contract: Comparative Analysis of Basic Features of Alienation and Dealienation in the Constitutions of Burgium-democratic, Socialist, Post-socialist and Theocratic and Clerical States) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, P. 29.]

слабой, он может компенсировать ее другими способами, представляя его критику как иррациональную и антиевропейскую силу. В итоге авторитарный либерализм сегодня должен поддерживать не только «де-демократизацию» с целью усиления либерального экономического порядка, но и оправдывать «гегемонистские» отношения между столицами в новой «немецкой Европе», где каждая страна должна быть «похожа» на Германию, несмотря на невозможность такого требования⁴⁵.

В современной Европе ордолиберальные правила экономического либерализма, установленные Экономическим и валютным союзом, вступают в конфликт с демократическими и социальными движениями против жесткой экономии (в случае с Грецией данный конфликт был доведен до предела после избрания проевропейского правительства, выступающего против жесткой экономии). Демократия и верховенство закона, в том числе защита социальных прав, также номинально защищены в договорах ЕС и Хартии Европейского союза. Таким образом, еврокризис трансформируется в «легитимационный кризис» и столкновение основных политических целей: ордолиберализма, рыночного капитализма, европейской интеграции и демократического самоуправления. «Дефицит рациональности в сфере общественного управления, – отмечает Ю. Хабермас – означает, что госаппарат в данных пограничных условиях не может выполнять никаких достаточных позитивных функций управления в отношении экономической системы; дефицит легитимации означает, что легитимационно действенные нормативные структуры не могут поддерживаться или производиться в необходимом объеме при помощи административных средств»⁴⁶.

⁴⁵ Wilkinson, M. Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 324.

⁴⁶ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010. С. 81. [Habermas, J. Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma (The Problem of Legitimation of Late Capitalism). Moscow: Praksis, 2010. P. 81.]

Заключение

Современный авторитарный либерализм стремится к рациональному управлению свободными рынками. Институционально это проявляется в конституционном закреплении экономических свобод и передаче контроля за экономической деятельностью экспертным органам и исполнительной власти. Если авторитарный либерализм делает акцент на экономическом либерализме, то авторитарные способы реализации политики подчиняются интересам частной собственности: авторитаризм усиливает экономический либерализм, который, в свою очередь, усиливает «авторитарную трансформацию» Европы. Для авторитарного либерализма государство является доминирующей категорией политической экономии. Авторитарный либерализм признает, что свободная экономика как политическая категория основана на определенном социальном порядке и представляет собой всеобъемлющую практику де-демократизации и ограниченной демократии.

Демократически легитимным инструментом разрешения противоречий рыночного капитализма и представительной демократией сегодня может стать подавляемая авторитарным либерализмом транснациональная солидарность; однако ЕС развивается в «неоколониальной парадигме» в соответствии с отношениями между ядром и периферией между странами-кредиторами и странами-должниками и неизбежно трансформируется в «неоколониальный режим интеграции», которому противостоит набирающий силы праворадикальный консерватизм. Активизация правоконсервативных партий заставила международный институт «Политические сети» (*Policy Network*) опубликовать доклад «Стресс демократии, популизм и угроза экстремизма», ставший идеологической программой его деятельности. В этом документе намечен ряд мер, призванных отслеживать меняющуюся политическую ситуацию и растущую роль политики идентичности. В ряду этих мер – выявление сигналов популизма и угроз экстремизма, состояние проблемы доверия, идентичности и культуры; указывается также на необходимость разработки «гене-

ральной политической стратегии, способной противостоять авторитарному стрессу»; подчеркивается роль прямой демократии (*contact democracy*) как фундаментальной стратегии сдерживания антидемократического стресса.

Политическое равенство и супранациональная солидарность в современной Европе становятся иллюзорными, поскольку отношения между странами-должниками и кредиторами напоминают условия «безоговорочной капитуляции»⁴⁷. По мнению Ю. Хабермаса, «супранациональные конституции опираются на основные права и свободы, юридические принципы и санкции, которые вырастают из демократических процессов освоения права и политики и доказывают свою пригодность в рамках демократически устроенных национальных государств. В этом отношении генетически их нормативная субстанция питается конституциями республиканского типа»⁴⁸.

Институциональная модель ограниченной демократии складывается из нескольких принципов: конституционно провозглашенные и защищенные права человека и процедуры принятия обязывающих политических решений или долго остаются неизменными, или изменить их сложнее, чем положения, которые регулируются обычным законодательством. Утверждение модели конституционно ограниченной демократии в послевоенной Западной Европе было невозможно без двух условий: во-первых, это развитие социального государства, или государства всеобщего благосостояния, гарантировавшего каждому его члену определенную долю в общественном богатстве; во-вторых, процессы авторитарной либерализации и интеграции, развернувшиеся в 1950-60-е гг., накладывают ограничения на национальный суверенитет европейских демократий за счет создания наднациональных институтов.

⁴⁷ Scharpf, F. After the Crash: A Perspective on Multi-Level European Democracy // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, P. 372.

⁴⁸ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008. С. 117. [Habermas, J. *Raskoloty Zapad* (The Divided West). Moscow: Ves' Mir, 2008. P. 117.]

Авторитарный либерализм в современной Европе – это неолиберальная идеология и практика де-демократизации и ограничения демократии, результатом которой становится регионализация протеста против супранационального режима либеральной демократии и структурной интеграции. В контексте еврокризиса свертывание традиционных форм парламентской демократии ограничивает традиционные формы политической борьбы и легитимации и способствует реанимации этнического национализма и разрушению социал-демократии в Европе. Де-демократизация заключается в том, что вопросы распределения и производства выводятся из публичной сферы политики и определяются рыночной рациональностью и технократическими органами: когда политика сводится к экономической логике, а возможность подлинного обновления и реформизма редуцируется к конституции и учредительной власти, автономия политического сводится к формальности или перспективе «революционного прорыва» правоконсервативного фундаментализма. В современной Европе правые евроскептики набирают популярность и в этой ситуации авторитарно-либеральное «ограничение демократии» может привести уже не только к «укреплению капитализма», но и к возрождению реакционных форм нового национализма и авторитарного иллиберализма.

Литература:

Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

Левакин И.В. Об отчуждении по общественному договору: компаративистский анализ основных черт алиенации и деалиенации в конституциях буржуазно-демократических, социалистических, постсоциалистических и религиозных государств // *Сравнительная политика*. 2019. №3. С. 22-31.

Лэйн Д. Мираж демократии // *Полис. Политические исследования*. 2014. №6. С. 127-148.

Макферсон К. Жизнь и времена либеральной демократии. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011.

Мюллер Я.-В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Перегудов С.П. Либерализм XXI века – кризис или обновление? // *Полис. Политические исследования*. 2015. №4. С. 64-74.

Попов М.Е. Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы // *Полис. Политические исследования*. 2017. №1. С. 99-115.

Семенов И.С. Гражданская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2017.

Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010.

Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008.

Alexander, L. Constitutionalism: Philosophical Foundations. Cambridge University Press, 1998.

Althusser, L. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. London: Verso, 2014. 320 p.

Barber, B. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. Berkeley: University of California Press, 2003.

Beck, U. German Europe. Cambridge, UK, Malden, MA: Polity Press, 2013.

Bruff, I. The Rise of Authoritarian Neoliberalism // *Rethinking Marxism*, 2014, Vol. 26, Iss. 1, pp. 113-129.

Cristi, R. Carl Schmitt and Authoritarian Liberalism: Strong State, Free Economy. Cardiff: University of Wales Press, 1998.

Crozier, M.; Huntington, S.; Watanuki, J. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. New York: New York University Press, 1975.

Friedrich, C. The Political Thought of Neo-liberalism // *American Political Science Review*, 1955, Vol. 49, pp. 77-96.

Habermas, J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT, 1996. P. 78; Rawls, J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press. 1993.

Habermas, J. The Crisis of the European Union: A Response. Malden, MA: Polity Press, 2012.

Hailbronner, M. Tradition and Transformations: The Rise of German Constitutionalism. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Hayek, F. The Constitution of Liberty. London: Routledge, 1960.

Heller, H. Authoritarian Liberalism? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3.

Macpherson, C. The Real World of Democracy. Toronto: CBC Radio, 1966.

Mair, P. Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy. London: Verso, 2013.

Majone, G. Europe as the Would-be World Power: The EU at Fifty. Cambridge University Press, 2009.

Polanyi, K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston, Mass.: Beacon Press, 2001.

Rawls, J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 1993.

Sandel, M. What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets. London: Allen Lane, 2012.

Scharpf, F. After the Crash: A Perspective on Multi-Level European Democracy // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21.

Schmitter, P.; Karl, T. What Democracy Is... And Is Not. In: Global Resurgence of Democracy. Baltimore: John Hopkins University Press, 1993.

Schumpeter, J. Capitalism, Socialism, and Democracy. New York, London: Routledge, 2000.

Streeck, W. Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism. London: Verso, 2013.

Wilkinson, M. Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, pp. 313-339.

Zakaria, F. The Rise of Illiberal Democracy // *Foreign Affairs*, 1997, Vol. 76, Iss. 6, pp. 22-43.

References:

Alexander, L. Constitutionalism: Philosophical Foundations. Cambridge University Press, 1998.

Althusser, L. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. London: Verso, 2014. 320 p.

Barber, B. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. Berkeley: University of California Press, 2003.

Beck, U. German Europe. Cambridge, UK, Malden, MA: Polity Press, 2013.

Bruff, I. The Rise of Authoritarian Neoliberalism // *Rethinking Marxism*, 2014, Vol. 26, Iss. 1, pp. 113-129.

Cristi, R. Carl Schmitt and Authoritarian Liberalism: Strong State, Free Economy. Cardiff: University of Wales Press, 1998.

Crouch, K. Postdemokratia (Post-democracy). Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2010.

Crozier, M.; Huntington, S.; Watanuki, J. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. New York: New York University Press, 1975.

Friedrich, C. The Political Thought of Neo-liberalism // *American Political Science Review*, 1955, Vol. 49, pp. 77-96.

Habermas, J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT, 1996. P. 78; Rawls, J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press. 1993.

Habermas, J. Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma (The Problem of Legitimation of Late Capitalism). Moscow: Praksis, 2010.

Habermas, J. Raskoloty Zapad (The Divided West). Moscow: Ves' Mir, 2008.

Habermas, J. The Crisis of the European Union: A Response. Malden, MA: Polity Press, 2012.

Hailbronner, M. Tradition and Transformations: The Rise of German Constitutionalism. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Hayek, F. The Constitution of Liberty. London: Routledge, 1960.

Heller, H. Authoritarian Liberalism? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3.

Lane, D. Mirazh demokratii (The Mirage of Democracy) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2014, No. 6.

Levakin, Igor V. Ob otchuzhdenii po obshchestvennomu dogovoru: komparativistskiy analiz osnovnykh chert aliyenatsii i dealiyenatsii v konstitutsiyakh burzhuznodemokraticeskikh, sotsialisticheskikh, post sotsialisticheskikh i religioznykh gosudarstv (The Alienation along the Social Contract: Comparative Analysis of Basic Features of Alienation and Dealienation in the Constitutions of Burgium-democratic, Socialist, Post-socialist and Theocratic and Clerical States) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 22-31.

Macpherson, C. The Real World of Democracy. Toronto: CBC Radio, 1966.

Macpherson, C. Zhizn' i vremena liberal'noi demokratii (The Life and Times of Liberal Democracy). Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2011.

Mair, P. Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy. London: Verso, 2013.

Majone, G. Europe as the Would-be World Power: The EU at Fifty. Cambridge University Press, 2009.

Muller, J.-V. Spory o demokratii: Politicheskie idei v Evrope XX veka (The Debate about Democracy: Political Ideas in Europe of the XX Century). Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2014.

Peregudov, S.P. Liberalizm XXI veka – krizis ili obnovleniye? (Liberalism of the XXI Century – a Crisis or an Update?) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2015, №4.

Polanyi, K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston, Mass.: Beacon Press, 2001.

Popov, M.E. Sociocultural integration policy: main theoretical approaches (The Policy of Socio-Cultural Integration: Basic Theoretical Approaches) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2017, №1.

Rawls, J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 1993.

Sandel, M. What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets. London: Allen Lane, 2012.

Scharpf, F. After the Crash: A Perspective on Multi-Level European Democracy // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21.

Schmitter, P.; Karl, T. What Democracy Is... And Is Not. In: Global Resurgence of Democracy. Baltimore: John Hopkins University Press, 1993.

Schumpeter, J. Capitalism, Socialism, and Democracy. New York, London: Routledge, 2000.

Semenenko, I.S. Grazhdanskaya identichnost' (Civic Identity) / Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie (Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia). Ed. by I. Semenenko. Moscow: Ves MIR Publishers, 2017.

Streeck, W. Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism. London: Verso, 2013.

Wilkinson, M. Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, pp. 313-339.

Zakaria, F. The Rise of Illiberal Democracy // *Foreign Affairs*, 1997, Vol. 76, Iss. 6, pp. 22-43.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10035

AUTHORITARIAN LIBERALISM IN CONTEMPORARY EUROPE: METHODOLOGICAL APPROACHES AND CONCEPTUAL MODELS

Maxim E. Popov

*North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 02.07.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 12.12.2019</p>	<p>Abstract: The author conducts a comparative analysis of authoritarian liberalism's concepts in contemporary political theory. The article deals with the main directions of interpretation of authoritarian liberalism in the framework of methodological approaches and conceptual models of neoliberalism, ordoliberalism, John Rawls' theory of political liberalism, Jan-Werner Mueller's "restrained democracy", Jürgen Habermas' "legitimation crisis", Colin Crouch's "post-democracy", Michael Wilkinson's "de-democratization", Crawford Macpherson's "participatory democracy", Wolfgang Streeck's "democratic capitalism crisis", Giandomenico Majone's «crypto-federalism». The basic analytical concept is the idea of authoritarian economic liberalism, first proposed by H. Heller and K. Polanyi. For the purpose of methodological reflection, an analytical review of methods and concepts based on modern political and constitutional theory and used in the study of the institutional specifics of authoritarian liberalism has been carried out. Authoritarian liberalism is conceptualized as the neoliberal ideology and practice of de-democratization and restriction of democracy, which results in regionalization of protest against the supranational regime of liberal democracy and political integration in Europe. If authoritarian liberalism focuses on economic liberalism, then authoritarian ways of implementing policies are subject to the interests of private property: authoritarianism strengthens economic liberalism, which, in turn, reinforces the EU's "authoritarian transformation". In the context of the Euro-crisis, authoritarian liberalism restricts traditional forms of representative democracy, political struggle, and the legitimation of power, contributing to the reanimation of ethnic nationalism. In contemporary Europe, right-wing euroskeptics are gaining popularity. The authoritarian-liberal restriction of social democracy can lead not only to the strengthening of capitalism, but also to the revival of the reactionary forms of «new nationalism» and authoritarian illiberalism. The EU is developing today in the "neo-colonial paradigm" in accordance with the relations between the core and the periphery between creditor countries and debtor countries. Transnational solidarity suppressed by authoritarian liberalism can become a democratically legitimate tool for resolving a fundamental conflict between market capitalism and representative democracy</p>
<p>About the author: Dr. of Philosophy, Professor, Department of Social Philosophy and Ethnology, North Caucasus Federal University</p> <p>e-mail: maximus.popov@gmail.com</p>	
<p>Key words: authoritarian liberalism; market capitalism; representative democracy; neoliberalism; ordoliberalism; political liberalism; economic liberalism; de-democratization; restrained democracy; post-democracy; ideology; legitimation; transnational solidarity; European integration</p>	

Для цитирования: Попов М.Е. Авторитарный либерализм в современной Европе: методологические подходы и концептуальные модели // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 41-56.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10035

For citation: Popov, Maxim E. Avtoritarnyy liberalizm v sovremennoy Yevrope: metodologicheskiye podkhody i kontseptual'nyye modeli (Authoritarian Liberalism in Contemporary Europe: Methodological Approaches and Conceptual Models) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 41-56.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10035